

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

ГЛУЩЕНКО О.И. ФАЙЗУЛИН И.И.

18+

Илькама Файзулин
Олег Глущенко
Морские рассказы

<https://litres.ru/74017698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — не вымысел, а живая память двух человек, которые видели море не с берега, а изнутри, будучи настоящими моряками подводниками

Это искренние и порой веселые морские рассказы, пропитанные духом службы, товарищества и настоящей мужской судьбы.

Книга погружение в 80-е годы — время молодости, надежд, риска и силы характера. Для тех, кому сегодня за 50, она отзовется особой теплотой и узнаваемыми чувствами, возвращая в годы, когда всё только начиналось. А молодежи поможет понять атмосферу в которой жили их родители.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	13
И	14
С	52
Д	94
Конец ознакомительного фрагмента.	97

**Илькам Файзулин,
Олег Глущенко
Морские рассказы**

МОРСКИЕ РАССКАЗЫ

ГЛУЩЕНКО О. И. ФАЙЗУЛИН И. И.

РАССКАЗЫ

ОЛЕГА

ГЛУЩЕНКО

Дорога в Севастополь

Я

ехал в Пулковое с привычной уверенностью человека, который умеет планировать свои дела: все рассчитано, все под контролем. Впереди меня ждали

Севастополь, море, встреча с ветеранами-подводниками — моими братьями по службе, людьми, с которыми я делил тьму и сталь глубин. Я вез туда не только себя, но и свою книгу рассказов о службе. Для меня это не просто сборник воспоминаний — это память, которую я обязан был разделить с теми, кто служил в тех же отсеках, дышал тем же воздухом.

Но стоило мне войти в зал вылетов, как привычный ритм треснул. Табло горело красным: «Рейсы задержаны. Рейсы отменены». Люди лежали прямо на полу, укрываясь куртками и пледами. Кто-то плакал, кто-то спорил, кто-то безнадежно пил кофе в пластиковых стаканчиках. По громкой связи повторяли сухую формулу: «Аэропорт закрыт из-за угрозы БПЛА».

Я понял сразу: если останусь здесь, не успею.

Такси, пробки, злое гудение клаксонов. Петербург в этот час казался особенно каменным и равнодушным. И вот — Московский вокзал. Толпа, запахи железной дороги, гул голосов. В кассах — одно и то же:

Билетов

нет.

Совсем.

Уже на выходе из зала меня окликнула кассирша:

—

Разве

что...

через

турфирму.

У

них

квота.

Я шел по узким подворотням, выискивал нужную дверь среди вывесок с облезшей краской. Турфирма встретила сон-ной девушкой за стойкой, которая смотрела на меня так, будто у нее был целый век в запасе.

—

Есть один билет. В СВ. Но... место женское. Второе уже выкупила женщина. Если только она сама согласится, чтобы вы ехали с ней.

—

Давайте

ее

телефон.

Она нехотя протянула бумажку; разговор был коротким.

Нет.

Голос
женщины

стал
резким
и
холодным.

— Я не поеду с незнакомым мужчиной.

Трубка щелкнула.

Я набрал сообщение. Коротко и честно:

«Я бывший офицер-подводник. Еду в Севастополь на встре-чу ветеранов, чтобы представить книгу о нашей службе. Для меня это очень важно. Прошу вас, помогите! И вообще, мне уже много лет, и обещаю: приставать не буду».

Минуты тянулись вязко. Наконец пришел ответ:

«Знаете, меньше всего я хотела бы ехать в одном купе с моряком, но, видимо, это моя карма. Ладно, я согласна, но не рассчитывайте на разговоры».

5

Так я оказался в купе напротив нее. Молодая приятная женщина, лет тридцати пяти — сорока. Дорогой костюм, деловой вид, глаза, усталые от телефонов и переговоров. Она говорила резко, быстро, словно каждое слово было выстрелом. Бумаги, папки, звонки... Весь ее мир — в этих сигналах.

Я пытался заговорить, но она только улыбалась краем губ и отворачивалась к окну. Я достал свою книгу — привычный

якорь. Листы шелестнули, и она наконец спросила:

—

А

что

это

у

вас?

—

Моя

книга.

Истории

службы

в

Севастополе,

на

подводных

аппаратах.

Если

не

возражаете,

могу

прочсть

пару

страниц.

Она пожала плечами:

—

Может,
в
следующий
раз.

Я понял. Она снова отвернулась, экран телефона отражался в ее глазах.

Поезд остановился на станции. «Стоянка — двадцать минут!» — объявила проводница. Я вышел на платформу — подышать свободным воздухом, пропитанным угольным дымом и ароматом чего-то сладкого из буфета. Она тоже вышла, но держалась в стороне.

Постояв пару минут, моя попутчица, видимо, почувствовала дискомфорт и первая вернулась в вагон. И вдруг — крик. Ее. Я бросился на помощь. Ее сумка исчезла. Женщина стоя-

ла посреди купе, растерянная, в слезах.

Я выскочил на перрон. Люди спешили к своим вагонам. И там, среди бегущих фигур, я увидел его — молодого парня с зеленой сумочкой в руках. Он скользил вдоль состава, словно тень.

Я сорвался с места, но не побежал — годы службы научили, что важнее действовать головой. Я подлетел к проводнице:

—
По
рации!

Срочно!

Вон

тот

парень

—

с

зеленой

сумкой.

Сообщите начальнику поезда!

Через пять минут его уже задержали у входа в здание

вокзала. До отправления оставалось всего ничего, но сумку успели вернуть. Женщина прижала ее к груди так, словно это была не просто вещь, а часть ее самой.

Мы вернулись в купе. Проводница принесла чай в подста-канниках, пару печений курабье. Я заметил на ее лице улыб-ку — маленькую, едва заметную, но все же настоящую.

Я снова открыл книгу.

—

Хотите

послушать?

Она кивнула. Уже без отстраненности. И поезд снова тронулся, увозя нас обоих все ближе к Севастополю и к тем исто-риям, которые должны были многое изменить.

ПРЕДИСЛОВИЕ

И

ногда, вспоминая старую детскую песенку

«Из чего же, из чего же сделаны наши...», я ловлю себя на мысли, что с возрастом начинаешь подставлять

туда что-то свое. То из ностальгии, то от переизбытка жизненно-го опыта, то из здорового пофигизма — в общем, у почтенного возраста свои бонусы. Вот раньше думал: «Из мармелада и шоко-лада», а теперь — «Из воспоминаний, забытых имен и историй, которые я уже трижды рассказывал, но все равно перескажу».

Со временем начинаешь понимать, что большая часть нас — это, по сути, архив. Такой себе внутренний склад, где воспоминания расставлены по пыльным полочкам. Иногда туда заглядываешь просто за компанию — и, как назло, вместо того, что искал, в руки попадается история, которую ты уже успел забыть... и слава богу. Но нет, она вылезает, машет тебе рукой, и ты уже сидишь и вспоминаешь, как это было, прикидывая, кому бы это теперь всучить.

Все мы красиво говорим: «Надо жить настоящим», «Смотри

в будущее!» — и, конечно, это правильно. Но стоит собраться с друзьями — и все, понеслось: «А помнишь?..», «А тогда мы...», и весь ваш светлый взгляд в будущее накрывается те-плым пледом воспоминаний. Да что там, прошлое —

это ведь не просто милые моменты. Это библиотека опыта. Иногда — весьма полезного, иногда — очень поучительного, а иногда... ну, скажем честно, просто повод посмеяться.

Вот, например, возьми обычную библиотеку. Стоит себе книжка, написанная лет эдак 50 назад, — текст в ней ни-куда не делся. Открыл — и читай. А с воспоминаниями так не прокатит. Вчера ты помнил, что, когда впервые пришел на танцы в седьмом классе, был в красной рубашке, сегодня — что в синей, а завтра вообще забудешь, участвовал ли ты в той истории или тебе ее просто рассказал кто-то из знакомых. Но если ты эту историю уже кому-то рассказывал, то, скорее всего, немного приукрасил — для антуража. И в следу-

ющий раз она выйдет из архива уже с новыми спецэффектами. Ну, чтобы слушателю было интереснее. Да и самому приятнее: где еще ты герой, если не в своих байках?

Конечно, если рассказов много, они начинают смешиваться. Рассказываешь историю 20-летней давности — и тут же в голову лезет эпизод из 30-летней. Начинается каша. Вот ты уже в 1995-м, но почему-то рядом стоит и пьет кофе твой друг из 2008-го, а его там быть не могло в принципе. Память — она такая. Смешала, приправила, подала.

Но, честно говоря, в этом, по-моему, нет ничего плохого. Люди ведь не за датами пришли, а за историей. Им интересно слушать, если ты сам горишь своим рассказом. А если

для это-го надо добавить немного юмора, чуть-чуть драмы и пригорш-ню приукрашивания — то почему бы и нет?

Так что вот я сейчас и пытаюсь собрать свои истории, как мозаики. Немного кривые, немного разномастные, но — мои. Может, кому-то и будет интересно их почитать. А если нет — ну что ж, значит, в следующий раз добавлю больше драмы. Или придумаю, что все это было на подводной лодке. Там любая история звучит убедительнее.

В дверь купе постучали; вошел начальник поезда — он выразил сожаление по поводу инцидента с воровством, а мы, наоборот, поблагодарили его за оперативность. В общем, улыбаясь и сказав друг другу много до-брых слов, мы вернулись к моей книге.

Пожалуй, я расскажу о своем детстве: так вам проще будет понять, как рождается морской характер.

Ну вот, к примеру, маленькая история из детства.

ПИОНЕРСКИЙ

РИТУАЛ

К

то из советских школьников не помнит, что в День пионерии их бесплатно пускали в кино? Но это уже в мае, а в апреле был священ-

ный ритуал — торжественный прием в пионеры 22 апреля, в день рождения самого Владимира Ильича.

Вот и мне, как образцовому третьекласснику, предстояло встать в строй юных ленинцев.

Но судьба, известная шутница, решила устроить мне испытание посерьезнее — в тот, 1973-й, год 22 апреля выпало не просто на воскресенье, а на *самую что ни на есть Пасху*.

Церемонию перенесли на 23-е, а я в воскресенье, 22 апреля, проснулся в радостном предвкушении выходного дня и отпра-вился во двор — поиграть с друзьями.

Там меня уже подждал Мишка, мой верный соратник по хулиганским экспериментам, в компании двух таких же «героев». Он что-то замышлял, но я, конечно, даже не догады-вался, что этот день навсегда войдет в мою личную историю как «Пасхальный провал».

—

Пошли на кладбище! — прошептал Мишка с видом заговорщика.

—

Зачем?

—

удивился

я.

—

Ну как зачем? Пасха, люди поминают, выпивают... Может, и нам перепадет?

Честно говоря, в свои десять лет я не питал особой страсти к алкоголю; но разве можно подвести товарищей!

Кладбище в тот день было, как проходной двор: бабушки в платочках, дедушки с авоськами, цветы, куличи... и, конечно-но, ритуальные сто грамм. Правда, ни один взрослый в здравом уме не стал бы наливать водку малолетним хулиганам.

Но Мишка, наш гений импровизации, быстро нашел «бесхозную» могилу — родственники уже ушли, оставив на памятнике полбутылки «беленькой», печенье «Юбилейное» и несколько барбарисок.

—

Вот и мы сейчас разговеемся! — торжествующе прошептал Мишка, загребая «трофеи».

Первый глоток водки стал для нас шоком. Горько, противно, а главное — совсем не похоже на лимонад.

Но Мишка, как истинный лидер, не сдавался:

—

Ничего, сейчас найдем кого-нибудь, кто нам даст тару,

а

в

рюмке

это

будет

напиток

что

надо.

Главное

—

выпить

на

вы-

дохе! — сказал он, как настоящий профессионал.

И вот мы уже крадемся между могил, пока не замечаем двух женщин, склонившихся над одним из памятников со звездочкой вверху.

Они стоят спиной, тихо беседуют... И тут Мишка (видимо, двух глотков из горлышка ему хватило, и он стал смелее), недолго думая, выдает:

—

Эй! Бабульки, не дадите стаканчик нам? А то мы

тут... в общем, похмелиться надо.

Женщины обернулись — и тут мое сердце упало в дра-
ные кеды. Одна из «бабулек» оказалась... учительницей из парал-

ельного класса.

Дальше — как в тумане: визг, вопли, погоня, коленки, со-
дранные об кладбищенские кусты.

Мы рванули с кладбища, как ошпаренные, даже бутыл-ка
полетела в крапиву.

Наутро, когда вся школа строилась на торжественную ли-
нейку, нас величественно выдернули из строя и объявили,
что в пионеры мы не годимся; слава богу, что родителей в
школу не вызвали.

Мечта о красном галстуке рухнула.

Но я не сдался! Через пару месяцев мы с родителями пе-
реехали, и в новой школе я героически притворился пио-
не-ром, надев галстук на 1 сентября.

Никто не проверил. А «ксиву», как говорил герой фильма
Гайдая, по этому случаю не выдавали.

Вот такой у меня был пионерский ритуал.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

**(14
лет)**

В

идимо, это случилось где-то между третьим просмо-тром

индийского шедевра «Зита и Гита» и очередным черно-белым советским фильмом про важность тру-

дового подвига шахтеров-стахановцев с песней «Что ты знаешь о солнце, если в шахте ты не был», которую я много раз перефра-зировав потом: «Что ты знаешь о суше, если в море ты не был».

В общем, видимо, под действием прогрессивно-го индийского кинематографа, с его вечными танцами под дождем и глазами, полными трагедии, у меня вдруг... случилась первая любовь.

Речь идет о тех дивных временах, когда в моде были у мальчиков туфли на каблуке и водолазки, в портфелях — тетради с Лениным, а в голове — смесь романтизма, советской этики и гормонального шторма. Я только что окончил седьмой класс, было лето, пионерские лагеря пролетели мимо —

наверное, родителям показалось, что ребенок, как домашняя герань, вполне способен выжить без смены обстановки.

Мы, местные мальчишки, придумали гениальную версию для объяснения ночевки под открытым небом: дескать, у нас дома спать жарко (про кондиционеры мы даже не слышали), и мы, значит, практикуем терапевтический сон на свежем воздухе. По этой причине в саду была установлена старая железная кровать с пружинами, которые скрипели, как потертое седло д'Артаньяна, — обтянутая старым тюлем от комаров.

И вот, когда родители погружались в сон, а в эфире шла «Кинопанорама» в повторе, мы сбегали через дырку в заборе на соседнюю улицу. Там, между сиренью и облупленными скамейками, уже ждали девчонки — такие же беглянки из соседних дворов. Мы болтали, хохотали, обсуждали наших учительниц, играли в какие-то примитивные игры вроде «бутылочки» и, разумеется, формировали первые пары — по законам симпатии, не подкрепленной еще ни разумом, ни логикой.

Среди этих ребят была и девочка, в которую я действительно влюбился, — она тоже жила здесь. И хотя тоже сидела на наших лавочках, но как-то ее не касались светлячки и наш комариный романтизм. Мы учились в одной школе, но не в одном классе. Она была... как будто из другого фильма.

Звали ее то ли Лариса, то ли Светлана — не помню, я всегда путал женские имена. Причем полюбил я ее не за глаза, не за смех, не за походку — нет. Причина куда более пикантная. И я почти уверен: вы ее не угадаете. Особенно молодежь, у которой сегодня «любовь» измеряется числом лайков и реакций в мессенджере.

Дело в том, что Светлана собирала и разбирала автомат Калашникова... за 27 секунд.

Да-да. Это был школьный рекорд, абсолютный, почти мифический. Даже старшеклассники — бугры с голосом, как у Левитана, — не могли ее догнать. А Светлана сражалась

с АКМ так, словно родилась в семье, где папа был комсоставом в бронетанковой дивизии. Я смотрел на нее и понимал: вот она, любовь. Хрупкая, с косичкой — и смертоносная.

Сейчас бы ее, наверное, сравнили с Умой Турман из «Убить Билла» или Женщиной-Кошкой. Но тогда для меня она была просто Светка. Первая любовь и эталон военной грации.

Но вернемся в наш сад. Там тоже кипели страсти — пусть не Болливуд, но драма была что надо. Я в нашей уличной компании считался чем-то вроде лидера. То ли из-за роста, то ли потому, что умел рисовать Ленина, как на значке октябрят. И по этой негласной иерархии мне досталась та самая Светлана, покорительница АКМ.

Однако был и конкурент — мой одноклассник, Николай. Неглупый малый, но резковат. Видимо, в его голове тоже крутились сценарии индийских фильмов, потому что однажды он подошел ко мне, вздохнул с надрывом и заявил:

—
Знаешь,
мне
она
нравится.
Так
что

ты
давай
уступай.

Ну, по-дружески, а то, если что, могу и в лоб дать.

Я был потрясен, как будто он предложил мне отдать свой хлебный паек времен войны.

Естественно, в тот миг я растерялся — сказал что-то невнятное про «родители зовут» и ретировался домой, поджав хвост, как разведчик, не завершивший операцию в тылу врага. Ночь я провел в раздумьях. Утром вышел во всеоружии.

Подхожу к Коле, беру за локоть, говорю:

—
Ну-ка,
отойдем.

(Так в те годы начинались поединки. Не по Уголовному кодексу, но по понятиям.)

—
Значит, так, — объясняю. — Ты что мне вчера сказал? Хочешь драться? Пойдем. Без свидетелей. Победитель получает все, проигравший остается там, где и был. По-честному.

Николай заметно побледнел. Видимо, в его сценарии я должен был заплакать и отдать все добровольно. Он заерзал, начал мяться и, наконец, выдал:

—
Да

ты
что...

Я
пошутил.
Конечно,
она
твоя.

Я не собирался драться.

Вот так и закончилась эта маленькая драма. Без крови, без слез, но с важным жизненным уроком. Эту историю я рассказываю для своих юных читателей. Иногда, чтобы выиграть, нужно просто сделать шаг назад, взять паузу — не сдаваясь, а чтобы вернуться более уверенным. В тот день я понял: пауза — не слабость. Это стратегия.

И, возможно, будь я чаще таким мудрым в жизни, как тогда, в седьмом классе, — избежал бы многих неудач.

Но, впрочем, кто из нас в 13-14 лет знал, что делает? Главное — мы верили в любовь, дружбу и честную дуэль за сердце девчонки. А еще верили, что сборка автомата — достойное основание для романтической привязанности.

И знаете... до сих пор в этом не сомневаюсь.

Немного позже мой рассказ стал почти не слышен — в соседнем купе компания весельчаков включила музыку на телефоне и громко смеялась. Она с досадой прикрыла глаза.

—
Вот так и до утра, — пробормотала Анна (так звали мою попутчицу).

—
Хотите,
попробуем
их
уговорить?

—
предложил
я.

—
А
вы
думаете,
получится?

Мы пошли вдвоем. Я заглянул и спокойно сказал:

—
Друзья,
если
вы
будете
шуметь
всю
ночь,
я

не
смо-гу
представить
свою
книгу.

А
эта
дама

—

выспаться.

Мо-жет, пойдём на компромисс?

Компания засмеялась, но звук убавила. Вернувшись, она
впервые улыбнулась.

—

Ну
надо
же.

Обычно
такие
только
громче
начинают.

—

Секрет подводника, — ответил я. — Там всегда нужно
договариваться, а не кричать. Под водой все равны.

МЕМОУАРЫ

Я

вот как-то задумался над одной интересной вещью. Многие известные люди, когда доживают до почтенного возраста, вдруг начинают писать мемуары. И вро-

де бы все логично — человек пожил, многое повидал, есть что рассказать. Но вот беда: в девяти случаях из десяти эти воспоминания оказываются ужасно скучными. Сухими, как флотский сухой паек. Хотя человек — не последний в истории: политик, ученый, артист, герой своего времени! Ну как же так?

Я долго думал, в чем дело. И понял: проблема, во-первых, в том, что они все это пишут в те годы, когда события стерлись в памяти, как старые чернила. Мемуаристы уже не вспоминают, а скорее констатируют факты. Мол, в таком-то году я поехал туда-то, делал то-то, вернулся тогда-то. И все. Без запахов, без голосов, без красок, без того самого духа жизни. Как говорят художники, нет воздуха в картине.

Вот, допустим, я пишу: «В 1980 году я был в стройотряде, мы строили животноводческий комплекс (в простонародье — свинарник). Нас разместили в палатке, жили вшестером. Питание было скромным, но сытным. Работа начиналась в семь утра. Было тяжело, но мы справились. Победа социализма!» Ну да, факт есть, но читать это — все равно что инструкцию по эксплуатации к бритве.

А теперь представим другую картину. Я, к примеру, вспо-

минаю, как ехал на эту стройку в поезде, где попутчи-ком оказался чекист, который, выпив три рюмки самогона, всю дорогу рассказывал, как лично в Ялте в ресторане ло-вил шпиков. И как я просил его замолчать, боясь, что утром, когда он протрезвеет, — вспомнит и на допрос вызовет. Или как по вечерам, уставший после смены, желая насладиться вечерней прохладой на берегу водоема, я тайком подглядывал за бухгалтершей, которая с загадочной регулярностью купалась в местной речушке при луне, — и так элегантно, что хотелось продавать билеты на это представление. Потому что делала она это с чувством собственного достоинства и ни разу не подала вида, что замечает меня, хотя это было неизбежно. Или как бригадир, натуральный тиран, заставлял нас сортировать гравий по цвету, якобы «для эстетики», — а потом выяснилось, что он дальтоник и не может отличить траву от асфальта.

Вот это уже история! И пусть в ней, может, и нет глобальной значимости, но зато она живая. В ней — настроение, характеры, запах костра, комары и тот странный вкус первого шашлыка на самодельном мангале, где вместо шампуров — ивовые прутики.

И еще. Анализируя жизненные истории своих знакомых (ну и свою, чего уж скрывать), я все больше убеждаюсь: мы, взрослые, — на самом деле просто дети, которым выдали паспорт и водительское удостоверение. Мы отчаянно ста-

ра-емся реализовать те самые подростковые мечты и победить комплексы, которые тянутся за нами с тех времен, когда у нас были прыщи, мечты и не было денег.

Ну вот, например. Был ты маленьким, худым, плюгавеньким. Девочки — особенно красивые и высокие — проходили, как мимо фонарного столба: замечают, но не останавливаются. А потом ты вырастаешь, подтягиваешь пресс, подтягиваешь свя-зи, чего-то добиваешься — и, разумеется, твоей женой становится именно такая: высокая, красивая, и чтобы обязательно напомина-ла тех, кто когда-то на тебя не смотрел. И ты, стоя рядом, как бы говоришь всему миру: «Вот, смотрите, я добился чего хотел!»

Или другой пример: у соседа была «Волга», а у тебя дома — максимум велосипед «Салют» с погнутым крылом. Папа хоть и золотой человек, но даже «Запорожец» ему был не по карману. И вот ты растешь с мыслью: «Ничего, зато я вырасту — и куплю себе такую машину, чтобы у нее фары были умнее, чем весь наш класс вместе взятый!» А когда по-купаешь — не столько радуешься, сколько чувствуешь: «Ну вот, подростковому мне можно гордо вручить кубок за личную компенсацию детских обид».

Собственно, думаю, что именно такой подростковый максимализм и стал моим топливом. Я рос на окраине города, и на почтовом конверте писал: «Ростовская область, Советский район, поселок Интернациональный» — и потом какое-то не-взрачное название улицы типа Железнодорожная,

а хотелось написать: «Москва, проспект Академика Королева, 12» — красиво и коротко. Рос в семье, где деньги считались чаще не по купюрам, а по медякам. Родители дали мне главное — любовь, честность и умение варить борщи из ничего. Но ай-фонов, поездок на море и занятий в кружке верховой езды мне не перепало. Всего, чего добился, — добился, как говорится, вручную, иногда с помощью лома и хитрости.

Так что, оглядываясь назад, понимаю: я просто очень старался доказать тому худенькому мальчику из прошлого, что все у нас получится. И, кажется, он мной доволен. Хотя иногда он мне «говорит»: мог бы машину и подороже выбрать... Но после вертолета я вообще, садясь за руль любой машины, думаю: хо-рошо, что ее можно остановить практически в любой момент.

И вот именно это я сейчас стараюсь сделать: копаюсь в своем архиве памяти, как в старом сундуке на чердаке. Выкидываю пыльные, скучные справки и заметки и оставляю те истории, от которых самому становится смешно, неловко или даже не-много грустно. Где хочется воскликнуть: «Вот это была жизнь!» Я не претендую на роль великого мемуариста. Я просто хочу, чтобы человек, открывший мои воспоминания, уже не мог оторваться. Чтобы они походили не на школьный учебник, а на вечерний разговор с хорошим собеседником, в котором есть и смех, и правда, и немного

фантазии. Потому что если уж и писать про жизнь — то так, чтобы она снова ожила

на бумаге. А не скучала в строчках.

Ведь что такое мемуары? Это не отчет. Это попытка рассказать, как это все было — не по датам, а по ощущениям. Как поет певица Елена Ваенга, важно не что, а как. И если мне удастся найти этот баланс между тем, что хочу сказать я, и тем, что интересно читателю, — тогда, может быть, получится не просто книга, а что-то большее. Живая. Настоящая. И, надеюсь, не слишком занудная история.

МОЛОДОСТЬ

В

моей молодости — а она, как теперь кажется, случилась где-то между исчезновением динозавров и появлением Wi-Fi — я возвращался в военное

училище из отпуска на поезде № 7 Ленинград — Севастополь: он проходил через мой городок. Поезд этот был не просто средством передвижения, а настоящей машиной времени: за эти несколько часов ты успеваешь прожить маленькую жизнь, обзавестись временными друзьями, врагами, а некоторые даже

встречали любовь — ну или, на крайний случай, тебе приносили стакан в подстаканнике и два кусочка сахара, а на станции можно было купить яблок или просто семечек в газете.

Самое волшебное началось, когда мы принимались петлять между скал и туннелей Инкермана, или, как он раньше назывался, Белокаменска. Поезд, будто заговоренный, ны-

рял в туннели, выныривал, вздыхал и, наконец, оказывался на берегу Севастопольской бухты. Это было как финальный аккорд симфонии: ты смотришь в окно, а там — гигантские, могучие корабли, стоящие так близко к рельсам, что казалось: протяни руку — и потрогаешь швартов. Всё

вокруг — бухта, город, воздух — звенело от утренней свежести, звуков трубы и громогласной команды: «Флаг гюйс поднять!» Это было как театральное представление, только без занавеса и с орудиями главного калибра.

Корабли, сверкающие свежей краской, были не просто техникой — они были живыми. В них чувствовалась душа, потому что их любили, о них заботились. На палубах уже строились команды, белели бескозырки и фуражки, и каждый знал свое место. А я, юный курсант с сумкой, полной немного мятой формы и глупых надежд, замирал у окна, потому что внутри что-то щелкало: «Ты дома. Здесь твоя гавань».

Эти минуты — как удар током. Корабли казались сказочными: массивные, как великаны, и при этом грациозные. Сразу начинала распирать гордость: вот оно, наше — мощное, красивое, непобедимое. Хотелось сразу натянуть бескозырку, взобраться на палубу и командовать — хотя бы отделением матросов. Хотя бы одним матросом...

Сегодня... ну, что сказать. Сейчас таких картин уже не встретишь. Время делает с реальностью то же, что и ржав-

чина — с па-лубой: стирает блеск. И, может, поэтому воспоминания так сильно держатся. Как засохшие пятна от машинного масла на тельняшке — не отстирываются. И хорошо. Потому что в них — живое.

Иногда я ловлю себя на мечте: как бы было здорово снова подняться по трапу, пожать руку вахтенному — такому же молодому и сонному, как когда-то я, — вдохнуть этот чистый, с привкусом краски и мазута воздух. Пройтись по правому борту мимо огромных катушек брашпилей, задержаться на полубаке, как старый моряк в рекламной брошюре, сказать что-нибудь дежурно-мудрое вроде: «Вот здесь мы в 86-м...» — и уйти дальше, вглубь корабля. Пройти по коридорам, мимо кают, где над дверями висят таблички с должностями комсо-става, и попасть в кают-компанию, где старпом обязательно травит свою вечную, никем не понятую байку. Взять стакан крепкого, обжигающего чая — и почувствовать, что ты снова часть команды, часть флотской души.

А потом непременно — на мостик. Там — штурман, рулевой. Команда: «Отдать швартовые!» — и сердце замирает. «Сняться с якоря!» — и корабль, приходя в движение, плавно трогается.

«Самый малый — вперед!» — и ты уже плывешь, как по воспоминаниям, скользишь по зеркальной глади бухты. Маленькие катера и лодочки улепетывают от тебя, как мышки от серого грозного кота. Мимо памятника затопленным ко-

раблям, мимо Графской пристани, мимо боновых заграждений — в открытое море, туда, где горизонт. Где свобода. Где море, которое не спрашивает, сколько тебе лет и боишься ты шторма или нет.

Но, как говорится, в одну воду дважды не войдешь. Особенно если это вода Севастопольской бухты, и ты давно уже больше в «запасе» жизни, чем в строю. Жаль. Но, с другой стороны, лучше пусть останется так — в памяти, где все по флотскому уставу: четко, гордо и с запахом свежей краски.

В своих рассказах я хочу поделиться самыми интересными и запоминающимися историями из времен моей юности — тех сумасшедших, ярких лет, когда я постигал морскую науку в воен-но-морском училище, служил на флоте, а затем продолжил учебу в ленинградской военно-морской академии. Это были годы, когда жизнь была ключом, причем чаще всего по голове, — но с каждым ударом я становился немного умнее... или просто веселее.

В

КУПЕ

Т

елефон зазвонил резко, трель как будто врезалась в тишину вагона.

Она взглянула на экран, нахмурилась и решительно нажала «отбой».

Через минуту звонок повторился. Ее пальцы нервно дернулись, и снова — отказ.

Когда звонок раздался в третий раз, она коротко извинилась и почти выскочила в коридор.

Я остался в купе, но перегородки в поездах тонки, и слова легко просачиваются сквозь металл и пластик.

— Я же просила вас не звонить... — Ее голос дрожал, но в нем звучала сталь. — Я приеду, и мы все обсудим. Сейчас я не хочу говорить!

Тишина. Потом короткий сигнал отбоя.

Анна вернулась минут через десять. Лицо собранное, но гла-за выдавали ее — влажные ресницы, покрасневшие веки. Она села на свое место, какое-то время смотрела в окно, где проно-сились деревни и поля, подсвеченные редкими фонарями.

Я сделал вид, что увлечен страницами своей книги. Понимал: спрашивать прямо — значит лезть в чужую боль. Пусть сама решит, захочет ли открыть ее.

Прошло несколько минут молчания. Потом она неожиданно сказала:

— Продолжайте... пожалуйста. Ее голос был мягче, чем раньше. Внем появилась какая-тохруп-

кость. Словно в этих историях она искала что-то для себя — опору, возможность отвлечься или, может быть, ответ.

Я откашлялся и снова начал читать. Слова ложились в тишину купе, переплетаясь с ритмом колес, и я чувствовал, что теперь она слушает не вполуха, не сквозь экран телефо-

на, а по-настоящему.

Первое великое открытие в моей жизни — это, конечно, Севастополь. До того момента я не подозревал, что город может быть настолько красивым. Он выглядел так, будто его кто-то вырезал из мрамора и приправил морской славой. Белый камень, парки, памятники, флотская выправка и, главное, удивительно добрые, открытые люди. Я, честно говоря, был готов ожидать чего угодно — от зубастых старшин до грозных адмиралов, — но вместо этого встретил настоящую теплоту, получил очень живое, душевное ощущение: «Ты здесь свой». Хотя внешне я тогда больше напоминал потерянного курсанта с вечной складкой на фланельке и улыбкой в глазах.

Учеба в Высшем военно-морском инженерном училище — это была уже не романтика, а скорее реалити-шоу на выживание. Это место не просто воспитывало характер — оно его буквально выдавливало, как морскую пену из бушующего моря. Но, надо признаться, именно там я впервые понял, что могу если не все, то, по крайней мере, гораздо больше, чем

думал. И хоть иногда хотелось сбежать куда-нибудь в туманные дали, обратно в родную Ростовскую область, и прятаться за забором родительского сада, я остался.

Само училище было похоже на отдельную вселенную: рас-

кинулось на берегу одной из самых живописных бухт Севастополя. Территория необъятная, людей много, но всегда можно было найти уединенный угол, чтобы поговорить с собой. Ну, или хотя бы сделать вид, что думаешь о вечном, пока на тебе сушится форма после очередного заплыва в неизвестность. А преподаватели... Вот где была настоящая роскошь. Офицеры и мичманы с опытом, с умом, с харизмой — каждый мог бы стать героем романа, а не просто лектором по термодинамике дизельного двигателя. Я не знаю, почему мне так повезло, но их вклад в мою личность — как хороший якорь в шторм: незаметный, но жизненно необходимый.

Комбинация: училище, город, люди — все это стало для меня не просто обстоятельствами, а настоящим воспитанием. Думаю, если бы остался дома, я бы сейчас был совершенно другим человеком. Может, у меня была бы корова, двое детей и страсть к рыбалке... А может, и нет. Но точно не было бы этих историй. После окончания училища, вопреки всеобщему стремлению уехать в места, где платят больше (все эти суровые Камчатка и морозные базы на Севере), я остался в Севастополе. И, честно, ни на одну минуту об этом не пожалел. Мне повезло: я попал в уникальное подразделение, на не менее уникальный корабль,

и повстречал огромное количество удивительных людей.

Вообще, моя жизнь — это череда знакомств. Иногда мне кажется, что я просто коллекционер людей. Каждый — как отдельная планета со своей орбитой, историей, шутками и

трагедиями. Мы вроде бы все из одного теста: одни вузы, одна одежда, — но насколько по-разному мы живем! И это, пожалуй, и есть настоящая магия жизни.

Я расскажу вам о годах службы, о буднях и праздниках, о тревогах, глупостях, победах и, конечно, поражениях (куда ж без них?). Но начать мне бы хотелось... с конца. Хотя нет — не будем забегать вперед. Все по порядку. Вы сами все прочитаете.

Самое удивительное для меня в те годы — это, наверное, как я оказался в инженерном училище, а не в командном. Я по-давал документы в училище имени Нахимова, мечтая стать тем, кем с детства восхищался, — командиром, капитаном. Но, как это часто бывает в жизни, что-то пошло не так. То ли в военкомате перепутали бумаги, то ли кто-то решил, что я не такой уж и командир, а скорее инженер, — в общем, документы направили не туда. Вместо того чтобы попасть в им. Нахимова, я оказался в инженерном училище, расположенном в бухте Голландия.

Как только я узнал об этом, то прямо в тот же день побегал к своему командиру потока. До сих пор помню его фамилию — Путилин. Он был одним из тех людей, которые могут смотреть на тебя, как на открытый учебник, и при этом не улыбаться. Я тогда подскочил к нему с уверенностью, что сейчас все объясню, документы заберу и отправлюсь туда, где меня ждет слава. Ну, или хотя бы перспективы.

Я сказал ему, что они должны срочно вернуть мои документы и направить меня в то училище, куда я хотел. Путилин посадил меня напротив себя, посмотрел мне в глаза, и знаете, что сказал? «Слушай, парень, мне с высоты моих сорока с небольшим лет как-то проще разглядеть твою судьбу. И вот что я тебе скажу: жизнь — штука уникальная. И не важно, где ты учишься, главное — чего ты хочешь добиться».

Он продолжил: «Я знаю кучу случаев, когда люди оканчивали инженерные училища, а потом становились отличными командирами, потому что по-настоящему хотели ими стать. Так что не стоит сейчас суетиться, это не так уж важно. Жизнь подскажет тебе, что я был прав».

В тот момент я подумал, что он, наверное, прав — хотя, если честно, тогда я был уверен, что жизнь мне подскажет, как бы-стренько вытащить свои документы и направить их в училище им. Нахимова. Но как-то в глубине души почувствовал, что Путилин говорит что-то важное. Он был мудрым человеком, и я вдруг понял, что, возможно, стоит его послушать.

Знаете, что удивительно? Это был тот момент, когда мне впервые стало ясно: не всегда то, что кажется неправильным, оказывается ошибкой. Я остался в инженерном училище, а позже в жизни как-то все сложилось так, что я действительно стал командиром — подводного аппарата. И, скажу вам,

это было не-вероятно: когда я наводил порядок на своем аппарате, я вдруг понял, что все, чему меня учили, — это не просто абстрактные знания, а реальные навыки, которые могут вывести тебя на совершенно новый уровень и которые мне очень помогли. Ведь недаром в американских ВМФ командирами подводных лодок назначают механиков, потому что они лучше знают матчасть.

В тот момент мне, честно говоря, было сложно поверить, но так и произошло. Я искренне благодарен Путилину за этот совет — даже если тогда я был полон недоумения, сейчас, вспоминая тот разговор, ловлю себя на мысли, что, возможно, его слова изменили мою жизнь в лучшую сторону.

Вот так и получилось, что я окончил инженерное училище, а в итоге стал тем, кем и мечтал. Командиром, но только не на боевом корабле, а в мире подводных машин, где каждый твой шаг — словно прыжок в неизведанные глубины.

В самом начале своих рассказов я уже, если помните, сетовал на прелести жизни в военном училище. Ах, эти годы! Подъ-ем в 7.00, каша в железной миске, вместо кофе — кофейный на-питок с цикорием, романтика с привкусом наряда вне очереди.

Но сегодня мне также хочется рассказать и о другой жизни — о Севастополе, о времени, когда я был уже не курсантом с вечно начищенной бляхой, а вполне себе офицером. Почти свободным человеком. Ну, или хотя бы делаю-

щим вид.

Если старший курс казался мне уже чем-то вроде приграничной зоны свободы — где на горизонте виден выход, но еще за колючкой, — то жизнь офицера воспринималась как нечто совершенно фантастическое. В общем, почти рай. Причем не в переносном смысле, а почти в буквальном — с зар-платой аж в 300 рублей (по тем временам — это о-го-го), с лич-ным автомобилем (пусть и таким, который глох на каждом пово-роте) и, внимание, с жильем. Пусть съемным, пусть скромным, но своим. Закрыв дверь — и ты в автоном-ном плавании.

Главное же — наконец-то разрешили носить гражданскую одежду! Да, дорогой читатель, ты, возможно, не поймешь, но для нас, курсантов, даже мысль о джинсах была почти уголовно наказуема. А тут — пожалуйста. Хочешь — в куртке, хочешь — в футболке с модным (на тот момент) орлом «Мон-тана». Даже вельвет носили — смело, гордо, по-офицерски.

Свобода проникала во все поры. Я вспоминал, как в училище нас гоняли по пятикилометровым марш-броскам в кирзовых бо-тинках (мы их называли «прогары» или «гады»), которые весили больше, чем сам курсант после утренней зарядки. Мы не бега-ли — мы гремели, как кавалерия Суворова при переправе через Альпы. А потом, когда уда-валось выбраться в город и натянуть простые кеды, — такое

ощущение, что ноги вот-вот оторвутся от земли. Летел! Почти как Чкалов под Дворцовым мостом.

Вот и офицерская жизнь вызывала те же эмоции. Ты вдруг понимал: у тебя есть выходной. И он — твой. Никто не заставляет строиться, никто не орет в мегафон. Можно поехать на пляж. А можно — в кино. Можно отправиться в ресторан, потратить часть зарплаты на бефстроганов и шампанское и ни перед кем за это не отчитываться.

А особенно сладко было проснуться под утро... вернее, лечь спать под утро. После веселой ночи, прогулок по набережной, танцев, разговоров о жизни — и никто не кричит:

«Рота, подъем!» Никто не спрашивает: «Почему бляха не блестит, товарищ курсант?» Потому что ты уже не курсант. Ты офицер. Почти хозяин своей судьбы.

Хотя, надо признать, Севастополь — это не Ялта (куда мы, кстати, регулярно катались, когда душа просила просторов и южного солнца). Севастополь был и остается городом суровым. Морским. Военным. Улицы с выправкой, как у коменданта, полковника Бедарева, который был в 80-е годы грозой всех военнослужащих города и о котором слагали легенды. Тут нельзя было расслабиться совсем — за плечом всегда чувство-вался взгляд города, строгий, внимательный, потому что все в этом городе или служили, или были родственниками моряков, или хотели выйти замуж за моряка.

Но все равно... Это было время особенное. Молодость, свобода, немного денег, первый руль, первый балкон с видом на бухту и ощущение, что все только начинается.

Вот такие были времена. Сегодня, оглядываясь назад, вспо-минаешь не столько трудности, сколько то, как сладко они сме-нялись маленькими радостями. И становится немного груст-но — но по-хорошему. По-настоящему.

Стрелки часов уверенно ползли к полуночи. В купе ца-ри-ла тихая усталость дороги: вагон слегка покачивался, за окном проплывали редкие огни полустанков, и все это скла-дывалось в ритм — колеса отбивали свою вечную песню: тук-тук, тук-тук. Я поймал себя на мысли, что, наверное, уже перегрузил свою попутчицу историями. Пусть даже ей и ста-ло чуть инте-реснее, но утомить человека в пути проще простого.

— Может, свет выключим? — предложил я. — Утром, если захотите, продолжим.

Она коротко кивнула, и мы погрузились в полумрак.

Я долго не мог заснуть. Мысли ходили кругами: о том, как пройдет встреча с сослуживцами, что скажут о моей книге те, с кем мы когда-то делили и радость, и риск. Я представлял их лица, морщины у глаз, их смех — тот самый, который не спутаешь ни с чем.

Но куда настойчивее этих воспоминаний возвращался об-раз моей попутчицы. Что-то ее мучило. Это чувствовалось

во всем: в резком тоне бесед по телефону, в сжатых пальцах на коленях, в том, как блеснули слезы на ресницах, когда она вернулась в купе. Анна будто несла в себе тайну, тяжелую и личную, которую не хотела никому доверять.

Поезд мчался сквозь ночь, и мне казалось, что эта тайна тоже едет с нами, сидит здесь, между нашими полками.

Утро в поезде приходит не сразу, а как-то украдкой. Сначала меня разбудил стук колес, ставший чуть мягче, будто они осторожно шли по мосту. Потом — слабый свет, пробившийся сквозь занавеску, и запах кипятка — проводница уже разносила утренние подстаканники.

Я сел, прикрыв глаза рукой, и увидел, что моя попутчица тоже не спала. Она сидела на своей полке, обхватив колени, и смотрела в окно. Лицо у нее было уставшее, но не от сна — от мыслей.

—
Доброе

утро,

—
сказал

я

негромко. Она кивнула:

—
Доброе.

Вы,

наверное,
хорошо
спали?

—

Не
очень.
Колеса
шумят,
да
и
мысли

мешают. Она улыбнулась, но грустно.

—

Мне тоже. Даже если бы поезд стоял на месте, я бы все равно не уснула.

Мы замолчали. Проводница принесла чай — тот самый, с тонкой долькой лимона, и печенье «Юбилейное», которое в поезде почему-то всегда кажется вкуснее, чем дома.

Она взяла стакан в руки, подержала немного, глядя, как в янтарной жидкости плавают кружочек лимона. Потом сказала тихо, будто боялась, что ее услышит весь вагон:

—

Знаете...

Я
ведь
еду

не
отдыхать.
И
не
в
командировку.

Я
ничего
не
ответил,
только
кивнул,
показывая,
что
слушаю.

—

У
меня...
мама
тяжело
больна.
Врачи
сказали, что
жить
ей
осталось

недолго.

И

перед

самой

болезнью... она открыла мне правду. — Анна замолчала,

словно прове-ряя, стоит ли говорить дальше. — Мой отец...

живет в Сева-стополе. И он никогда не знал обо мне.

Она резко отставила стакан, словно обожглась.

—

Всю

жизнь

мама

молчала.

А

теперь,

когда

уходит...

И

вот

я

еду

к

нему.

Сказать,

что

я

есть.

Это

ее

последнее

желание.

...

—

Ну,

что

вы

замолчали,

продолжайте,

—

обратилась

ко

мне

она.

«ОПЕЛЬ»

—

НА

КВАРТИРУ

С

лучались в моей жизни разные эпизоды, но один особенно запомнился. Дело происходило в конце 80-х. Молодежь теперь и представить не может, как в советское

время было сложно с жильем: квартиру нельзя купить, ее выдает государство, и продать официально нельзя, а желания жить отдельно — хоть отбавляй. Каждый выкручивался как мог.

Я тогда был холостой, молодой, с перспективами неясными, но с мечтой о собственном угле. И вот однажды мой знакомый, Серега Константинов, человек с опытом житейским и подходом гибким, сказал:

—

Помочь

могу.

Есть

вариант.

И назначил встречу в кафе в центре.

В назначенное время за столик села она — женщина лет сорока пяти, с ухоженным лицом, уверенным взглядом и манерами, от которых веяло сразу и стилем, и улицей.

—

Есть у меня квартира, на Большой Морской, — сказала она с паузой, как будто в кино. — Обменяю на машину. Ту, что ты из Германии пригнал. Opel Rekord.

Я чуть не поперхнулся кофе:

—

Так

просто?

—

Не совсем, — усмехнулась она. — Надо будет заключить фиктивный брак. Пропишу тебя — потом разведемся. Машина моя, квартира — твоя. Чисто.

Выглядело все как в фильме, где герой еще не знает, что

второй акт уже написан без него.

Меня, честно говоря, не столько юридическая сторона сму-щала, сколько детали схемы. Ну хорошо, распишемся, пропи-шет... А когда она выпишется? А если не разведемся? И во-обще — когда я должен отдать машину? До? После? Вместе с цветами и шампанским? Слишком много «если».

Через пару дней она позвонила и позвала на еще одну встречу. В том же кафе. Я пришел, как положено: с буке-ти-ком, чтобы выглядеть прилично. Она — в ярко-красном брючном костюме, прическа с лаком, как будто со съемок передачи «Поле чудес», только кто должен угадывать сло-во — не ясно. Но вскоре мне стало понятно, что это слово «мошенники». Но давайте по порядку...

—

Знаешь,

—

сказала

она,

—

моя

квартира

стоит

дороже

тво-

ей

машины.

Давай-ка
ты
еще
три
тысячи
накинешь.
До
ЗАГСа.

Аргумент весомый, и вроде бы по-честному. Но во мне уже зашевелился внутренний опер УГРО — что-то тут не вяза-

лось. Я изобразил на лице задумчивость и вдруг краем глаза увидел мужчину за пределами кафе, на лужайке, который, как мне показалось, делал знаки рукой моей даме. А поймав мой взгляд, тут же стал изображать человека, который занимается йогой. Причем это получилось очень непринужденно, и я даже на какое-то время подумал, что так оно и есть. В общем, я не подал вида и, закончив беседу, встал.

Попрощались. Женщина осталась в кафе, а я сел в машину и поехал — но мысли не давали покоя. Крутил в голове разговор, прикидывал, размышлял. Сделал круг по центру и подумал: «А ну-ка, загляну обратно. Мало ли». Возвращаюсь в кафе, захожу тихо — и что я вижу?

За ее столиком сидят двое. Такие типажи, что не пере-

пу-таешь: волосы назад, куртки кожаные, повадки, как у ребят, что «пасутся» возле «Каштана», наблюдая за лохами. Типичные разводчики, с фантазией и с хваткой. И один из них — тот, что занимался йогой.

Я сел у перегородки — и, будто в кино, начал подслушивать. Услышал ровно то, чего больше всего боялся:

— До ЗАГСа он машину и деньги отдаст, а потом — гуляй, Вася. Ни квартиры, ни прописки. Разведем его, как мальчишку.

Затылок бросило в жар. Подумал: «Вот дурак! А ведь почти поверил. Почти вляпался». Но бог отвел, как говорится.

Вышел я на улицу — и впервые за долгое время вдохнул севастопольский воздух с особым вкусом. Там, где Большая Морская встречает бульвары и судьбы, где за чаркой можно продать судьбу, но лучше вовремя отойти от стола.

КИНО

К

инематограф не просто вошел в мою жизнь — он ворвался, словно неистовый ураган, сметая на своем пути все обыденное и серое. Хотя, если быть

честным, до определенного возраста кино было для меня чем-то далеким и почти мифическим.

В раннем детстве экран — тот самый, тускло мерцающий ящик в углу комнаты — показывал черно-белые мультфильмы, которые длились жалкие 10-15 минут в день. И это в те

драгоценные часы, когда улица звала криками друзей, ревом мопедов (или, как их называли, моторчиков) и стуком мячей об асфальт. Нет, такие мультфильмы не могли оставить на душе заметного следа — разве что легкое воспоминание о зайце и волке из «Ну, погоди!».

По-настоящему кино раскрылось мне лет в тринадцать, как раз тогда, когда внутренний мир подростка особенно уязвим, полон великих открытий и смелых мечтаний. Мой отец тогда работал директором Дворца культуры — того самого, что пахнет пыльными шторами сцены, кожзамом сидений и затихающим только к ночи многоголосьем музыкальных инструментов в различных кружках. В один из них ходил и я. Но главное — в этом Дворце имелся кинотеатр. И у меня, как у сына директора, был безлимитный, почти магический доступ в кинобудку — или, лучше, кинорубку.

Ах, кинорубка! Полумрак, гул катушек, горячее дыхание проекторов, которые, казалось, знали и хранили все тайны кинематографа. Там царил киномеханик Никанор — человек с лицом вечного недосыпа и руками, пахнущими пленкой и машинным маслом. Он позволял мне вставлять пленку, запускать проекторы, и в эти моменты я ощущал себя вовсе не зрителем, а частью священного культа — миниатюрной шестеренкой огромного кинематографического механизма.

А еще он мне дарил рекламные плакаты, что потом украшали стену над моей кроватью, заменив собой скучный ковер с оленями. Их волшебство заключалось в запахе — пьянящем аромате типографской краски, который каждую ночь переносил меня в иные миры, превращая во сне в отважного героя просмотренных кинолент.

Я не просто смотрел фильмы — я их переживал. Я входил

в экран, растворялся в нем, дышал вместе с героями. Помню, как после очередной серии «Зорро» был настолько вдохновлен его акробатическими подвигами, что, когда билетерша попросила закрыть верхнюю защелку на двери, я — весь в образе — взобрался на нее, как настоящий дон Диего. А дверь-то была метра три, не меньше. Ну что ж, кино влияет на людей по-разному...

Где-то в седьмом классе я уже чувствовал себя почти промутером: однажды бесплатно притащил на показ «Фантомаса» пятерых или шестерых приятелей, тех самых, с которыми гулял по ночам. Вдохновленный, как мне казалось, высоким искус-

ством, я не учел лишь одного: в зале оказался руководитель отдела культуры — начальник моего отца. Скажем так... последствия были, и оscarовскую речь мне тогда произнести не дали, но дали подзатыльник, который надолго запомнился мне.

Но кино продолжало вплетаться в мою судьбу. В старших классах я стал единственным «штатным» киномехаником школьного проектора — скорее всего, потому, что других не было. Литературный кабинет, пленки в железных коробках, теплая тьма зала и благосклонность директрисы, которая была преподавательницей литературы: она закрывала глаза на мои прогулы уроков (при условии, конечно, что фильмы шли четко и без обрывов). Отметки были отличные, ведь кто же

поставит плохую оценку тому, кто дает кино!

Тогда-то я и почувствовал магию кинематографистов. Просмотр фильма «В моей смерти прошу винить Клаву К.» породил в душе легкую, но настоящую влюбленность. В кого — загадка: в героиню, в актрису, в самую грусть, застывшую на пленке? Не знаю. Но душу мою задел нежный ветерок, едва я переступил порог кинотеатра.

Позже, уже будучи курсантом военного училища, я вновь убедился в том, насколько сильно кино может влиять на человека. Мы с однокурсниками решились на самоволку — лишь бы посмотреть новый югославский фильм. Без документов, без разрешения. Чтобы замаскироваться, нацепили на рукава повязки «патруль» — мол, свои. Глупо, конечно. Особенно когда прямо в зале столкнулись с нашим старшиной роты, пришедшим туда с девушкой. Ах, кино... Оно, конечно, искусство, но устав тоже никто не отменял. В итоге время первого отпуска домой я провел в казарме, бодро шлепая кистью с краской по стенам ротного помещения и таская всякую всячину по приказу начальства.

К счастью, на выручку пришла мама моей знакомой — женщина, вся жизнь которой прошла на почте. С легкостью истинного профессионала она состряпала «срочную телеграмму» о внезапной болезни родственника. Нынешнее

поколение, выросшее на мессенджерах, уже и не поймет, что это была не СМС в «Телеграме», а настоящая бумаж-

ная лента с гулко стучащего аппарата, передававшего срочные сообщения из другого города. Командир, человек бывалый, лишь усмехнулся и потребовал подтверждения из военкома-та. Но почтовая волшебница и тут не смутилась: «Если нужно, — сказала она, — я и от имени министра подпишу!» Так, с ее легкой руки, мне и удалось выкрутиться.

Все это — долгий, петляющий путь, который привел меня однажды к решению снимать свое кино. И думается мне, что этот путь начался именно там — в маленькой темной кинопленке провинциального Дворца культуры, когда дрожащая пленка начинала свой бег, а я, 13-летний мальчишка, замирал в предвкушении очередной истории. Возможно, именно тогда во мне и родился тот, кто теперь хотел не просто смотреть — но и создавать.

Ну а что? Даже Владимир Ильич Ленин сказал:

«...из всех искусств для нас важнейшим является кино».

Так что у меня просто не было выбора.

Я тогда привык судить о людях по их поступкам и, главное, по конечному результату — сделал дело, получил результат, молодец. Все просто, как в уставе ВМФ. Но тут появилась Владислава — человек с тонкой, творческой натурой и, как выяснилось, с рентгеном вместо взгляда. Она умела разглядеть в людях не только то, что видно снаружи, но и то, что у них творится внутри. Их душу.

И вот, если смотреть на людей через призму ее рассуждений, то все становилось гораздо сложнее... и интереснее. Да,

человек добился результата — но какой ценой? Что он при этом чувствовал, кем стал на этом пути, кого, может быть, оставил позади? Это были вопросы, которые я, при-зваться, раньше старательно обходил стороной — как дети обходят брокколи на тарелке.

А Владислава, можно сказать, открыла мне глаза. Или хотя бы приоткрыла. Я начал замечать, что за каждым

поступком есть человек, а за каждым результатом — история. И теперь, когда кто-то говорит: «Я сделал это», — я уже не спешу аплодировать, а сначала думаю: «А чего тебе это стоило?» Владислава, моя жена — тогда еще, в начале 90-х, будущая, разумеется, — была студенткой театрального вуза. Представьте себе: я, морской офицер, подводник, уставший от дисциплины, устава и глубины (в прямом и переносном смысле), и она — вся такая свободная, творческая, с платком на плечах, как у Ахма-товой, и с глазами, полными идей, которые я раньше считал

«революционными». Что удивительно, именно ее, казалось бы, простые и открытые суждения помогли мне, военному, выпуск-нику академии, в прошлом — отчаянному члену КПСС, вдруг остановиться, осмотреться и понять, что мир-то уже другой.

Что честность, порядочность, ответственность — все то, с чем нас в советское время учили «идти в разведку» (хотя, признаюсь, это выражение меня всегда слегка раздражало —

я ведь, черт побери, моряк, а не разведчик), — так вот, все эти качества куда-то испарились. Их будто бы подменили, как тогда говорили, рыночными отношениями, ценниками, выго-дой. И честным теперь можно быть только себе в убы-ток.

Но вернемся к Владиславе. Она жила в общежитии на-шей военно-морской академии. Ее отец, настоящий полков-ник, летчик, был преподавателем, а мама работала в этом же зда-нии вахтером. Причем не просто вахтером, а подлинным стра-жем академической морали и пожарной безопасности. Имен-но с ее мамой я и познакомился сначала — по долгу службы, так сказать. И только потом увидел Владиславу. Ма-ма Вла-диславы — это вообще отдельная глава. Первое, что меня по-разило, — это ее внешность. Но главное — ее лег-кость в об-щении. С ней можно было говорить о чем угодно.

Но самое сильное впечатление на меня произвел ее го-лос. Когда Виктория Викторовна пела — все вокруг зами-рало. Вот возьмем, например, «Погоду в доме». Лариса До-лина, конечно, профессионал — мощь, техника, нота в ноту. Но когда Виктория Викторовна исполняла эту песню, в ней

звучало не только музыкальное мастерство, а еще и жизнь. Личная, прожитая, иногда со сквозняками и общежитием, иногда — с солнцем, морем и весной.

Но вернемся к Владиславе. Она появилась как-то днем — в джинсах-клеш и в кожаной куртке, которую у нее потом

украли, с растрепанной копной прекрасных волос ниже пояса и томиком Чехова под мышкой. С тех пор многое изменилось, но по сей день удивляюсь, как именно эта тонкая, упрямая девушка с театральной мечтой помогла мне выйти из идеологической глубины на поверхность и, как говорят коллеги, «осмотреться в отсеках».

Владислава и сейчас неотразимая женщина, но в 19 лет... красота плюс молодость и, как говорят французы, либерте мыслей. Когда она выходила из общежития, возле подъезда всегда стояли двое-трое ухажеров, с видом, будто они участвовали в каком-то соревновании за ее внимание. И, честно говоря, мне тяжело давалась конкуренция с этими юношами, у которых слов-но на лбу был написан лозунг «Молодость и бесшабашность».

И вот среди этой романтической вахты — я, в свои 29 лет, серьезный, с портфелем, но, в отличие от ее ухажеров, на иномарке. Чувствовал себя примерно как директор завода на утреннике детского сада. И я уже, честно говоря, почти отчаялся удостоиться ее внимания. Но стал рассуждать трезво. Ну что может победить молодость и красоту — только жизненный опыт, так? И в голове созрела мысль: я вспомнил, что у меня есть радиомикрофон, купленный на рынке «Юнона» на юге города, работающий на частоте автомобильного приемника. Ничего примечательного, но в нужный момент он может стать... ну, скажем, вспомогательным инструментом для важных жизненных наблюдений. Я «случайно» за-

был его в прихожей ее квартиры вместе с сумкой, и вот так, под-слушивая разговор любимой с мамой, понял главное: я Владе небезразличен, а в ее мечтах — творчество. Ну а для меня это стало знаком свыше. Так вот, откинув всякие сомнения, я сразу придумал хитроумный план.

Ведь если она мечтает о карьере в искусстве, что может быть лучше, чем предложение устроить фотосессию и отправить снимки на киностудию «Ленфильм»? Конечно же, это была моя блестящая идея, и вот я, как настоящий стратег, с гордостью предложил этот план. Взял фотоаппарат и снял ее прямо в коридоре общежития. Ну и, как вы понимаете, все сработало идеально. Мечты начали сбываться, а я по праву стал тем самым героем ее жизни, который оказался на шаг впереди всех этих мальчишек.

Потому что через какое-то время ей действительно позволили и пригласили на кастинг.

Владислава, полная наивного восторга и предвкушения звездной карьеры, пришла по адресу. Я тоже пошел — ну, а как иначе: поддержать будущую звезду (посмотреть, а вдруг и мне предложат сыграть ее кавалера в массовке). За дверью, как в каком-то анекдоте, — сам Георгий Данелия. Да-да, не двойник, не голограмма, а тот самый: «Афоня», «Мими-но», «Осенний марафон» — все его рук дело.

Он мило побеседовал с Владиславой минут тридцать. Его немного обескуражили ее длинные волосы, и он акку-ратно

спросил, сможет ли она с ними расстаться ради кино, а получив положительный ответ, сказал загадочную фразу в стиле: «Ждите, мы вам перезвоним». Владислава, как приличная студентка начала 90-х, оставила номер не свой (откуда у нее был бы телефон?), а знакомых — откуда телефон в общежитии при военно-морской академии. Мобильников, напомним, тогда не было вообще, разве что где-то в далеких фантазиях или в американских фильмах.

Прошло время. Тишина. Как водится, мечты об актерской славе потихоньку растворились в подготовке к сессии. «Ну, не судь-ба», — подумала она. Кто мы такие, чтобы конкурировать с профессиональными актрисами, да еще у самого Данелии?

Примерно тогда же у меня созрел еще один план, как покорить Владу, — я предложил: а поехали-ка в Канаду! Почему бы и нет? Оказалось, это была вторая ее мечта. В общем,

молодость, романтика, авантюризм — все как полагается. Я как бывший научный сотрудник знал одну хитрость: раньше, если у тебя был загранпаспорт, можно было, имея связи, без проблем сделать паспорт моряка. А этот прекрасный документ в те времена (непуганых идиотов) давал право, напечатав на листке бумаги «судовую роль» и указав себя в ней членом экипажа, отправиться без визы хоть куда, даже в Канаду. Вот я, имея эти знания и связи, так и сделал. И вот мы,

вновь испеченные члены экипажа научного судна «Профессор Саидов», не предупредив никого, сели в самолет и транзитом через Гамбург... а потом идем среди небоскребов Торонто, и я со своим не очень хорошим немецким пытаюсь купить бутерброд на Чентрал-стрит. В результате все же получил желанную сосиску, но продавщица афроамериканской внешности долго смеялась над моим «кот-дог».

И вот, только мы обустроились на пон-нёф, как говорят французы, Монреалья, недалеко от парка на берегу реки Сен-Лоран, обзвонили родных, сообщили, что все у нас хорошо, как вдруг — бам! — родители говорят: мол, тебе звонил... Дanelия. Да-да, снова он. И не просто звонил, а хотел дать Владе главную роль в новом фильме — о любви! Представьте, главную! Ну и как не взять на роль красивую девушку с настоящим русским лицом и косой ниже пояса.

Ну а теперь представьте нас. Мы сидим в китайском ресторане Чайна-тауна, где обед «все включено» стоит 5 канадских долларов, смотрим друг на друга, и в голове звучит саундтрек из «Осеннего марафона». А поезд — точнее, фильм — уже ушел. Возвращаться срочно — нереально. Дело в том, что мы хотели получить канадские документы и по закону страны не могли покидать ее пределы. И все, история закрыта.

Владислава, конечно, потом не раз вспоминала об этом с оттенком горечи. А я сказал тогда: «Не переживай! Не Дanelией единым. Я заработаю денег и сниму тебя сам». И, надо сказать, не соврал. Так и вышло.

Прошло чуть больше десяти лет. Я стал бизнесменом — из тех, что работают днем, а перед сном смотрят в потолок и думают, что пора бы уже «делать искусство». Деньги действительно появились, а с ними — старое обещание, как все еще живое привидение из прошлого.

И вот однажды, вооружившись вдохновением, самоуверенностью и крупной суммой в американской валюте, я решил: пора. Написал сценарий, позвал профессиональных актеров, нанял команду, арендовал технику, костюмы, построил лока-ции, даже научился произносить слово «экспозиция» с нужной интонацией. Но в процессе понял, что никто, кроме меня, не готов взять на себя ответственность за это безумие, — и сам стал режиссером. Хотя давайте по порядку.

Два месяца съемок были похожи на увлекательный, до-

ро-гой, слегка нервный квест. Я впервые прошел весь путь — от первых черновиков сценария до ночных съемок, от капризов актеров до аварий на съемочной площадке. Машины гонялись друг за другом, взрывались, тонули в реке — съемки вели с вертолета и самолета, как в лучших боевиках 90-х. Се-мен Стругачев грабил банк, Дарья Юргенс-Лесникова пыта-

лась его контролировать и любить, Михаил Разумовский во-дил дружбу с бандитами, Семен Фурман... В общем, классика жанра «экшен выходного дня», когда человек приходит домой с работы, разогревает купленный в супермаркете бифштекс, открывает банку пива и чипсы, садится перед телевизором — в общем, просто хочет забыть обо всем и погрузиться в мир прогрессивного киноискусства.

Но — увы. Весело получилось только на съемочной площадке. Прокатчики вежливо сказали «нет», потому что не увидели перспектив получения прибыли, а может, и искусства, хотя фильм назывался «Мечь — искусство». Зрители не узнали о нем, а критики... ну, слава богу, крити-ки молчали — видимо, просто не заметили. Да, был момент разочарования и понимания, что я пытался без тренировки взять слишком высокую планку.

Героиней стала Владислава. Здесь уж она смогла реализовать свои мечты в полной мере: каждый день — новый макияж, новые наряды; пришлось даже раскошелиться на ка-

бриолет, поскольку она решила снять сцену с ним. В общем, все как и было обещано. В этом я, пожалуй, сдержал слово. А вот в остальном — я купил не успех, а, как принято говорить у продюсеров, «опыт». Дорогой, тяжелый, но весьма поучительный. И понял, что снимать нужно, как последний раз в жизни, — только тогда можешь рассчитывать на успех. Хотя уже то, что я довел дело до конца, мне кажется, здорово.

Довести до конца съемки фильма — поверьте, очень непросто. Учитывая, что у меня нет ни образования, ни опыта в этой сфере. Но обещание любимой жене — дело святое.

Сейчас, вспоминая и анализируя, я понимаю, что многие фильмы не окупаются, но тем не менее эта индустрия существует, и есть много профессионалов в этой сфере, способных убедить наивных бизнесменов раскошелиться. Но меня никто за руки не тянул, я сам решился на этот поступок — и не жалею. Потому что недавно мы нашли какой-то пиратский сайт, который благополучно умудрился продать показ нашего фильма 3 млн раз, а это похоже на успех. Вот так все относительно в этом мире.

Попробую рассказать хотя бы о самых ярких моментах, которые я пережил, но не обещаю, что получится без само-иронии, так как... ну, сами понимаете. Началось все, конечно, со сценария. Решил я сделать фильм про людей, ко-

торые грабят банк. Ну, это же всегда интересно, и я думал, что по-лучится круто. Написал сценарий, добавил туда каких-то ин-тересных моментов, как говорят киношники — перипетий, попытался причесать диалоги между актерами, чтобы при-дать глубины, ну и, конечно, чтобы фильм был зрелищным, долго подбирал красивые локации.

Так, чтобы и красиво, и близко, и, что важно, разрешили снимать в Санкт-Петербурге.

Как только сценарий был готов, я, конечно, не побежал сра-зу снимать. Нет, я решил сначала получить рецензию от име-нитых в мире киноискусства московских специалистов, даже с Гинзбургом встречался и Марией Смирновой. Так сказать, чтобы понять, на какой уровень претендую. Отправил сце-нарий; они (конечно, не бесплатно) написали свои рецензии. В принципе, все были положительные, но теперь понимаю, что, если бы я не заплатил, рецензии могли быть и отрица-тельные. Но это, как говорится, бизнес. Потом, с протекци-ей, пришел к владельцу большой сети кинотеатров в Петер-бурге. Он прочитал сценарий, сказал, что понравил-ось: «Если фильм снимешь — возьму в кинотеатр». «Ура!» — подумал я. Но как-то так получилось, что, пока мы снимали, его из этой сети попросили, а потом попросили и из «Ленфильма». Ну, жизнь — она такая, непредсказуемая.

Следующий рубеж — поиск режиссера. Беседы были с раз-ными мастерами кино, мы все обсудили, все в целом очень дело-вые, занятые, хотят много денег, и каждый счи-

тает, что фильм должен создаваться только с его уникальным подходом. Сложно было, честно скажу. Вспомнил одного режиссера еще советских времен. Думаю: ну, раз в советские времена работал, да и сейчас на Первом канале ведет передачу, значит, человек с опытом. Встретились, поговорили, я ему отдал сценарий.

Ну, он его, конечно, порезал, как только мог. Согласились на плату, сопоставимую с ценой хорошей квартиры, и мы начали работать. Но вот я не знал, что этот режиссер кроме кино еще иногда любит крепкий алкоголь. Когда он уходил в запой, мне, мягко говоря, было не до кино. И где-то на середине съёмки мы с ним сцепились, прямо у меня дома чуть не подрались. Дело было так: на съёмочной площадке он возмущался тем, что я, мальчишка из простой провинциальной семьи, добился успеха в бизнесе, у меня огромный дом и жена краса-вица, еще и сам продюсирую свой же фильм; а по факту, когда напился, глаза его налились кровью, кулаки сжались, и он сказал моей жене, когда я ушел за очередной бутылкой виски, что я последний мудака (простите за сленг), и он не понимает, как Влада меня терпит... В общем, пришлось расстаться.

Представьте: уже снято 50 % материала, а я искал нового режиссера, говорил даже с Димой Иосифовым (это тот самый, что играл Буратино), но все приглашенные не захотели продолжать, заявляя, что фильм надо останавливать и сни-

мать в следующем году. Я думал, все, плакали мои денежки и карьера супруги. Это же катастрофа! И вот, когда на площадке воцарилось траурное молчание, вперед выступила Маша, второй режиссер, и сказала: «А давайте вы будете режиссером, а мы вам поможем! Но условие: на месяц вы забываете о своей основной работе — строительстве многоэтажек». «Гениальная идея», — подумал я и пустился во все тяжкие. И вот так, без особого опыта, я взял в руки этот проект и довел его до конца. Произнося по двадцать раз в день одну и ту же фразу: «Камера, мотор, начали!»

Конечно, яркими моментами становились кастинги. Приходили известные актеры, и это было интересно, потому что ты вживую видишь человека, который может зажигать энергией или, наоборот, отталкивать. Еще, кстати, меня потом огорчило то, что первый режиссер убедил не брать звезд экрана: мол, это дорого и бессмысленно. Но со временем я понял: это как раз и было бы то, что нужно, — зрители ведь всегда идут на конкретного актера.

И конечно, аренда техники — это отдельная песня. Мы снимали на пленку, а не на цифровые камеры, и все эти киноаппараты, свет, техника — это колоссальные деньги. Помню, как оформляли аренду и как это все отразилось на моем бюджете. А когда мы снимали на яхте, помощник оператора, пересаживаясь с катера на яхту, упал в Неву. Если бы камера ушла под воду, я не представляю, что было бы дальше, но он

молодец — в последний момент успел ее бросить на палубу.

Работа с актерами, хоть и не звездами мирового масштаба, была интересной. Каждый из них — носитель уникальных историй. Один актер в свои 50 лет завел любовницу и, бедняга, не мог развестись с женой, пока не найдет себе замену. Ходил и все предлагал: красавица, умница, берите...

Еще мы решили использовать в фильме песню Вики Цыгановой «Приходите в мой дом». Мне пришлось ехать в Подмосковье и договариваться с ней и ее мужем о покупке авторских прав. Вроде мелочь, но получилось знакомство с интересными людьми. Муж Цыгановой показал мне мебель, которую сам делает из массива дерева и продает. Я даже чуть не купил пару стульев, как из сказки про Машу и медведя.

У меня была строительная компания, и это, честно скажу, очень помогло. Мы строили декорации, снимали на своих объектах. Некоторые наши сотрудники снимались в массовке, и это было забавно: днем работали в офисе, ночью — играли в кино. Моя коллега по компании Валентина Павлова до сих пор вспоминает с улыбкой, как по ночам возвращалась домой в коктейльном платье с мехом, и охрана всегда подозрительно смотрела на нее: откуда такая красивая. А еще в фильме снималась моя собака, овчарка Лотта: она должна была охранять объект и лаять, но, учитывая ее милейший характер, это для нее стало стрессом; я уж не говорю про хомяка моих детей Тиму. В общем, экономия на всем —

даже прямо у меня дома снимали. Использовали мой личный самолет для съемок. Да и почти все, что было на экране, как-то связано со мной. Мы взорвали мой «мерседес», утопили в Крюковом канале машину моего зама, разбили три витрины в нашем офисе и сделали из подсобки ресторана тюремную камеру, а из конференц-зала — ресторан; друзей моей коллеги, все той же Валентины, вообще попросили уехать из дома на два дня и снимали в их таунхаусе...

И конечно, самый важный урок: люди. Я много лет занимаюсь бизнесом, работал с разными коллективами, но с людьми из киноиндустрии было, пожалуй, сложнее всего. Они такие капризные, что порой не знаешь, как их организовать. Особенно

актеры! Каждый из них — звезда, каждый считает, что должен сам решать, как и что говорить. Иногда это срабатывает, но не всегда. Но была у нас еще одна заслуга: мы взяли на главную роль тогда никому не известного актера Сергея Воробьева, и благодаря нашей картине он в итоге стал очень популярным — снялся более чем в сорока картинах. Можно сказать,

открыли его фактурность миру кино...

Да, съемки фильма были настоящим испытанием, но я горжусь тем, что мы все-таки завершили проект.

Позже я рассказал о нашей картине своей хорошей знакомой — Татьяне Ключевой, той самой, что играла Варва-

ру-Кра-су. Нас связывает очень долгая дружба, и сейчас, вспомнив о ней, расскажу, пожалуй, один эпизод.

Помню, познакомился с ней, еще будучи молодым лейтенантом. В то время я служил на спасательном судне «Эльбрус». И вот, зная о моей склонности к рисованию, меня откомандировали в женский комитет нашей воинской части. Я наивно думал, что в женском комитете только дамы в ярких шляпках и кружевных перчатках заседают. А тут — Татьяна Николаевна с сигареткой в руке, и не абы какой, а заграничной, «Мальборо». Кроме невероятной красоты, она обладала еще и магическим обаянием, как у какой-то древнегреческой богини. Ее глаза... Это не просто глаза, а два бездонных океана, в которые многие были готовы погрузиться и тонуть целыми днями. Вот и я решил не отставать от коллектива.

Помню, как на одном из заседаний этого комитета мне поручили оформить ресторан к Новому году, — там я ее и увидел. Ну, как ее не заметить, когда она всегда в центре внимания, всегда рассказывает какие-то невероятные истории о съемках с режиссером Роу, с такими актерами, как Милляр и Пуговкин, и делает это так, что каждый, кто ее слушает, прямо переносится на съемочную площадку. Я всегда с нетерпением ждал следующую порцию баек из ее жизни, как сегодня многие ждут последнюю серию любимого сериала, которая по решению канала выйдет почему-то только через неделю.

К примеру, Милляр, несмотря на то, что, по сути, стал «официальным представителем нечистой силы в кинематографе» (он играл Кощея и Бабу-Ягу), на самом деле был очень эрудированным, веселым, легким в общении человеком, любил детей и происходил из семьи француза Мильё...

В купе мы сидели друг напротив друга, и разговор неожиданно свернул в сторону далекого детства. Я вспомнил Татьяну Николаевну — ту самую, что для всей страны стала Вар-варой-Красой, Длинной Косой. Рассказал о ней, о ее улыбке, о том, как странно было встретить на флотских вечерах актрису, знакомую каждому ребенку.

Анна оживилась впервые за все время поездки. Ее глаза блеснули теплой искрой:

—

А

ведь

я

любила

эту

сказку!

Я

маленькой

помнила ее

почти

наизусть...

Только

не

знала,

что

муж

этой

актри-сы был морским офицером.

Она замолчала. Я уже хотел снова заговорить о службе, но Анна неожиданно опередила меня. Голос ее дрогнул, и в нем впервые не чувствовалось ледяной деловой отстраненности:

—

Знаете...

Я

ведь

согласилась

взять

вас

в

попутчики не

потому,

что

пожалела.

И

не

потому,

что
билета
больше не
было.

А
потому,
что
узнала:
вы
в
прошлом
морской
офицер.

Она сжала руки так, что побелели костяшки пальцев.

Мой отец... живет в Севастополе. Тоже был моряком. Но я его ненавижу. Ненавижу за то, что он бросил нас с матерью. Ненавижу за то, что я выросла без отца. Ненавижу за то, что сейчас, когда он ей так нужен... — Ее голос сорвался. — Он не рядом. Он далеко.

Женщина отвернулась к окну, и я увидел отражение ее лица в стекле — жесткое, но с блеском слез.

Я
позвонила
ему,

сказала,
что
приеду.
Он
мог
бы
сам
при-ехать
в
Петербург.
К
ее
постели.
Но
нет...
Он
звонит
мне
и
спра-
шивает,
когда
приеду
я.
Понимаете?
Как

будто
ответственность
перекладывает.
Как
будто
все
еще
остаётся
в
стороне.

Она замолчала, а потом добавила, уже тише:

— Мне тяжело понять его. Душу его. И, может быть, имен-но поэтому я слушаю ваши истории. Может быть, через вас я смогу хоть немного понять его — бывшего морского офице-ра, который для меня все еще чужой.

Поезд тряхнуло на стыке, звякнули стаканы с чаем, и эта пауза будто подвела черту под ее признанием.

Я посмотрел на Анну и впервые понял: мои рассказы для нее — не просто страницы чужой жизни. Для нее это ключ. К ее собственной.

Ну что ж, я продолжу.

Однажды вечером я решил продолжить свое образова-тельное путешествие по жизни Татьяны Николаевны, но началь-ство в лице старпома Сухомлина никак меня не отпус-

кало; пришлось придумать какую-то историю и просто сбежать. По-звонив ей заранее, отправился с другом Валерой на чаепитие. В местной кондитерской мы купили торт «Орешек» (не имеет никакого отношения к сверхзвуковой ракете), что, наверное, нам на тот момент казалось кульминацией гастрономических подвигов. Хотя нет — были в то время и другие чудеса, которые мне как-то удалось испробовать благодаря знакомству с дочкой начальника управления торговли Севастополя: Киевский торт, доставленный прямо из Киева, и лимонад «Тархун» (что-то невероятное, зеленое и с огромным количеством пузырьков; это сейчас он в каждом гастрономе, а тогда был примерно как восьмое чудо света).

Но это все мелочи, а настоящие события начались, когда за третьей чашкой чая Татьяна Николаевна вдруг, словно по щелчку пальцев, решила, что ей нужно расширить пространство своей квартиры.

Как говорят теперь, сделать незаконную перепланировку. «Ну, а раз нужно, значит, сразу, тут же, и начнем», — решил я. Задача простая: нужно, чтобы лишние квадратные метры получились прямо сейчас.

Я, горячий молодой лейтенант, естественно, предложил свои услуги. И, как только дело дошло до практики, попросил у нее что-нибудь тяжелое из подсобки. Оказавшись с топором в руках, я почувствовал себя лесорубом из фильма «Девчата», готовым к подвигу. В наше время меня бы непременно называли дизайнером. И вот я с благородным видом стал крушить эту

ни в чем не повинную стену, которую, как выяснилось потом, построили на совесть пленные немцы по своей супернадежной технологии, примерно как ласточка строит гнездо.

Штукатурка летела, пыль клубилась. Я бил и бил. На тринадцатом ударе что-то щелкнуло, потом яркая вспышка, и... в квартире погас свет. Я понял, что, видимо, что-то в этой жизни, возможно, не учел.

И вот в этот момент, когда я в полной уверенности ломаю стену ради прекрасного ремонта, открывается дверь, и из пыль-ного тумана появляется... Хотел сказать — герой фильма

«Терминатор» со словами «Я вернулся!» («I'll be back!»), а это вошел Дмитрий Сергеевич, муж Татьяны Николаевны, круп-ного телосложения и огромного роста, с выражением лица, явно не располагающим к конструктивному диалогу; и да, за-был уточнить: он еще по совместительству был начальником штаба нашей бригады спасательных судов. Честно говоря, его взгляд в тот миг был похож на взгляд челове-

ка, который по-нял, что упустил момент, когда должен был меня остановить, но еще в силах меня наказать за содеянное. Хотя я, как извест-но, был мастером избегать наказания и...

Быстро прокрутив кинолентку будущих событий, мы с дру-гом Валерой как-то оперативно, благодаря вовремя открытому Татьяной Николаевной окну, ретировались во двор, благо это был первый этаж; а Дмитрий Сергеевич в своих мыслях, похо-же, меня уже видел потенциальным «освещен-ным» кандида-том для подвешивания вместо лампочки.

Потом мы долго смеялись над этой ситуацией, думая, что, конечно, не совсем красиво получилось. Но, как гово-рят, лиха беда начало! После того вечера ремонт все-таки состо-ялся, и перепланировка квартиры, как ни странно, тоже. И, может, не без моей помощи — главное, что «топор» и «кру-шение» привели к позитивному результату!

Хотя это еще не конец истории. Я показал себя трусом и старался в доме Татьяны Николаевны больше не появлять-ся, но сейчас, описывая этот сюжет, позвонил ей и попросил рас-сказать, что было дальше. Вот история, рассказанная ею самой.

РАССКАЗ

Т.

Н.

В

первомайский праздник, который наступает ча-стенъко с каким-то неожиданным сюрпризом, я по-няла, что время

поджигает: оставалось всего ничего

до того дня, как должна приехать бабушка Надежда Ивановна из Москвы с шумной компанией внуков. И, как это обычно бывает, именно в такие моменты все планы рушатся.

Календарь каждый день, как злой шутник, ставил крестики на оставшиеся сутки, а мне вот внезапно стало ясно, что для завершения работ не хватает куба бетона, причем катастрофически, а именно — для заливки площадки под прихожую.

Ну да, конечно: какой бетон?! Это же не та проблема, о которой можно спокойно задуматься, когда за окном Первомай! А бетон? Ну кто его привезет?! (Тут я поясню: это сейчас плати деньги и покупай бетон хоть сотнями кубов, а тогда в СССР бетон просто так не продавался, и чтобы его достать, нужно было иметь связи.)

И вот, в это утро на кухню выходит Дмитрий Сергеевич, я к нему насчет бетона, а он мимо меня — как всегда, с блеском, благоухающий парфюмом, сияющий белоснежной рубашкой с золотыми погонами и улыбкой, как будто не на работу идет, а в театр.

Прыгнул в уазик — и в бой, на Первое мая в 37-ю бригаду. На построение личного состава.

В общем, всех поздравил, анекдоты рассказал, цветы подарил, а потом как бы между прочим говорит подчиненным: вот, мол, Татьяна Николаевна просит в подарок на Первомай

не духи, не бриллианты, а один куб бетона! Все дружно посмеялись: ну конечно, что еще нужно ей для полного счастья! Пошутили и забыли. Но нет, начальник гаража даже в Первомай не мог оставить просьбу жены командира без внимания и таки добыл этот самый куб бетона.

Представьте картину: КАМАЗ привозит, как раз на праздник, эту самую драгоценную партию бетона. Соседи выскочили: ду-мали, первомайская демонстрация добралась и до нашей улицы. А самосвал с грохотом кузова опустил подарок прямо на дорожку.

Как только машина уехала, я, вооружившись опалубкой и ло-патой, начала работу. Время, как обычно, не ждет, бетон засты-вает. Вот тут-то я и умудрилась узнать, что такое «за-железнить».

Задерживаться времени нет, мозоли начали расползаться, плечи болят, но, как говорится, глаза страшатся, а руки делают. Потом — сюрприз номер два. Приехала еще одна машина, и опять куча бетона.

Нашим друзьям заливали площадку под гараж, и вот мне, бедной, выделили еще куб бетона. Это уже было не ве-село, пришлось всю душу выложить.

Время шло, темнело, спина уже не гнулась, а руки боле-ли так, что хотелось кричать. Тут я поняла разницу между творческим трудом на съемочной площадке и физическим на стройке. А глав-ное, там я красивая ходила, голубей вы-

пускала, а тут бетон...

И вот момент истины: почти все распределено, я уже выбилась из последних сил, а тут как раз подъехал уазик, и выходит этот обворожительный офицер, благоухающий, как всегда, а я как сидела на парапете, так и сижу.

Дмитрий меня не узнал и прошел мимо, приняв за очередную сборщицу податей, со ступеней храма переместившуюся к его крыльцу. Я-то, конечно, изменилась до неузнаваемости, потому что вся моя одежда и волосы, как в фильме Данелии

«Джентльмены удачи», были покрыты бетоном.

Уже позже, видимо, не найдя меня дома, он вышел на улицу, и тут его лицо изменилось, когда он среди кучи стройматериалов обнаружил в темноте меня... Это был шок!

Он был в полном недоумении, переживал, гордился, а я сидела вся в бетоне и счастье. Кто бы знал, что счастье наше с ним было вот... в бетоне.

Слезы тихо катились и смешивались с усталостью, но я была довольна.

И да, как же приятно, когда не просто твой труд дает результат, а когда твоя половинка тебя за это ценит.

И
СНОВА
ПРО
КИНО

Д

а знал ли я, что занесенный мною топор даст начало таким событиям? Но недаром говорят: что ни делает-ся, все к лучшему. Так, видимо, и в моей истории пе-

реустройство квартиры Татьяны Николаевны благополучно завершилось, только бумаги ей, бедной, до сих пор не выправить на эти конструктивные изменения. Хотя прошло почти сорок лет. Но интересно в этой истории, что в тот день, Первого мая,

и я решил проведать Татьяну Николаевну и, обнаружив ее в та-ком страшеньком виде, тоже не осмелился ее признать, а она тоже не призналась. В общем, парадокс.

Простите, сошел с курса. Так вот, Татьяна Николаевна упомянула мою киноленту в разговоре с Владимиром Меньшовым, который был в Севастополе на очередном кинофести-вале. Тот, выслушав, глубокомысленно сказал: «Беда фильма, наверное, в том, что история выдумана. А выдумку сегодня трудно продать. Лучше бы снять о чем-то, что действительно было, что прожито». И добавил: «Раз уж Олег прошел путь от морского офицера, подводника, до бизнесмена и теперь пробует себя в кино — может, у него есть история из своей жизни, которая достойна экрана».

Я тогда долго думал. Ведь правда — жизнь-то у меня действительно насыщенная. И все-таки амбиции — это хорошо,

но не стоит преувеличивать свои способности. Да и рассказывать о прошлом — штука неблагодарная. Все забывается, краски тускнеют, эмоции рассеиваются, как сигаретный дым на ветру. И ты уже не можешь передать ту искру, которая была у тебя в тот момент.

Мечту о фильме я отложил. Тихо, без драм, просто положил на полку, где она теперь пылится между нереализованными проектами и старыми CD-дисками, которые теперь уже и не знаешь, куда вставить.

Но года три назад я прочитал рассказы моего сослуживца, Илькама Файзулина, в которых он живо, с иронией и любовью передал флотские байки времен службы в Севастополе.

И вдруг вспомнил: а ведь и у меня есть истории — забавные, странные, трогательные. Возможно, никто их и не экранизирует, но мои сослуживцы точно прочитают с интересом. А если уж получится рассказать их не по-режиссерски, а по-человечески, — то, возможно, в этом и будет настоящий успех.

**ИНДЕЙЦЫ,
СТУЩЕНКА**

И

ВЕДРО

ШАМΠΑНСКОГО.

ВОСПОМИНАНИЯ

С

ПРИВКУСОМ

ПЕРЕСТРОЙКИ

1986 год... Ну, что сказать — выдался он таким насыщенным, что иногда кажется: мне тогда сразу лет десять жизни зачислили авансом. Весной, как уже писал, прогремел Черно-быль — и в прямом, и в переносном смысле. А осенью — новая беда: трагедия с атомной подводной лодкой К-219. Каза-лось бы, год не закончился, а уже дважды хотелось включить функцию «сбросить до заводских настроек».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.